

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 151—161.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 151—161.

Научная статья

УДК 172.1

DOI: 10.46726/И.2024.5.17

СТАНОВЛЕНИЕ И УПАДОК АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ УТОПИИ В XIX—XX вв.: К ВОПРОСУ О «КОНЦЕ ИСТОРИИ»

Михаил Вячеславович Куликов

Кузбасский институт ФСИИ России, г. Новокузнецк, Россия, philosophy_mk@mail.ru

Аннотация. Американская социально-философская утопия представляет собой интересный феномен, поскольку именно в ней были собраны воедино онтологические, гносеологические, антропологические, аксиологические, философско-исторические смыслы американской культуры как воплощенного «Града на холме», «Общества равных возможностей», «Маяка надежды». Как имманентное измерение общественного, в том числе философского сознания и как естественный спутник общественно-политической практики американской нации, утопия нигде не продуцировалась в таких масштабах и не принимала столь многообразных форм, как в США. Интерес к изучению феномена утопии обусловлен и тем, что он является ключом к дешифровке политического сознания, так как многое из того, что не находит адекватного выражения в научно выверенном дискурсе, но представляет для данной группы ценность, часто получает свое выражение в утопиях или антиутопиях. Цель работы — проследить за генезисом данного феномена, указать общие, конституирующие смыслы американской утопии и понять причины ее кризиса. В качестве представителей американской социально-философской утопии взяты Генри Торо, Беррес Фредрик Скиннер, Роберт Нозик и Ричард Рорти, в работах которых наиболее полно проявился отличительный признак американской утопии — ее «антифундаментализм», открытый характер, плюралистичность, открытость проекта для нового содержательного наполнения. Новизна подхода заключается в попытке рассмотреть в одном контексте такие разные формы социально-философских проектов, как Уолден американского трансценденталиста-либертарианца Торо, Уолден Два бихевиориста Скиннера, проект «минимального государства» с позиции аналитической философии Нозика и «постмодернистский буржуазный либерализм» Рорти. Сделаны выводы о причинах кризиса утопического теоретизирования в американской культуре, что, на наш взгляд, связано с утвердившимся в общественном сознании эпохи позднего капитализма ощущением «конца истории», которое приводит к отказу от будущего в пользу бесконечного повторения одних и тех же сюжетов и обреченности на пребывание в застывшем времени; ретроутопией как поиском оптимального жизненного проекта в прошлом, а не будущем; хонтологией как состоянием некогда бытовавшей, но так и не сбывшейся надежды на прогрессивное движение в будущее; конспирологией как способом объяснения мира через заговор и обман. Все это порождает различные формы ressentiment, депрессию, щемящее чувство ностальгии, препятствующие порождению утопических смыслов.

Ключевые слова: утопия, Америка, Уолден, «постмодернистский буржуазный либерализм», ретроутопия, хонтология, конспирология

Для цитирования: Куликов М.В. Становление и упадок американской социально-философской утопии в XIX—XX вв.: к вопросу о «конце истории» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 151—161.

© Куликов М.В., 2024

Введение. Американская утопия — интересное культурное явление, представленное на разных уровнях: социально-философском, политико-идеологическом, художественном, религиозном, мифологическом. Определимся с понятием: «утопия есть идеал, специфика которого определяется не возможностью его практической реализации, не степенью трансцендированности, не функциями и не хромотипическими особенностями, а способом его продуцирования. Утопию можно, таким образом, определить как произвольно сконструированный сознанием образ идеального предмета, в том числе социума» [Баталов: 9]. Цель утопии, по словам Генри Торо, состоит в том, чтобы «устроить нашу жизнь так, чтобы сохранить все преимущества и устранить недостатки» [Торо 2001: 112]. Утопическое сознание ориентировано на будущее, а его онтология основана на прагматике, воплощении утопии в реальность. Предметная область исследования ограничена утопическими проектами и экспериментами Генри Торо, Берреса Фредрика Скиннера, Роберта Нозика и Ричарда Рорти. В случае с Торо и Скиннером их выбор обусловлен идейной преемственностью авторских проектов, случай Нозика объясняется важностью осмысления утопии с позиции аналитической философии, казалось бы, игнорирующей подобного рода проблематику. Проект «постмодернистского буржуазного либерализма» Ричарда Рорти выбран по причине репрезентативности его проекта в ситуации постмодерна, нарратива, отказа от фундаментальной теории.

«Уолден» Г.Д. Торо и «Уолден Два» Б.Ф. Скиннера: что значит «правильная жизнь»?

В 1948 году в США вышла книга выдающегося американского психолога-бихевиориста Берреса Фредерика Скиннера (1904—1990) «Уолден Два». В этой книге, написанной в жанре научно-фантастической утопии, автор попытался донести свои соображения, касающиеся возможности построения общества с помощью методов социальной инженерии. Название книги отсылает нас к программному роману представителя американского трансцендентализма, практикующего философа и анархиста Генри Дэвида Торо (1817—1862) «Уолден, или Жизнь в лесу». Эта отсылка, конечно, не была случайной — американская культура (как и вся американская цивилизация) изначально носила утопический, ориентированный в будущее, рассчитывающий на практическое воплощение характер. Книга Скиннера продолжает и развивает мысли Торо о «правильном» устройстве бытия, мере должного соотношения свободы и необходимости, степени взаимопроникновения приватной и публичной сфер жизни, необходимом соотношении индивидуального и общественного. Напомним, каким образом решали эти вопросы оба автора.

Подобно Сократу, для которого знание и практическая жизнь не были отделены друг от друга, Торо воплощает свои идеи в особого рода эксперименте: два года, два месяца и два дня своей жизни он проводит в одиночестве в самом им построенном доме на берегу Уолденского озера в лесах штата Массачусетс. Что привело Торо к подобному опыту? Причин множество: это и своего рода отказ от нарождающегося технологического потребительского общества с его расточительностью, излишеством, бесконечной, все убыстряющейся гонкой; и эксперимент в ведении домашнего хозяйства минимальными средствами; и поиск «сырых» и «диких наслаждений» природы; и попытка испытать себя, освоить необжитые границы природы, культивируя при этом природу собственной души (своего рода толстовское «опрошение» или вольтерьянское «возделывание своего сада»); и, как итог всему вышеперечисленному, стремление

привести мир в порядок, гармонизировать хаос, обрести то самое единство и счастье переживания «совокупного целого сущего». Более того, Торо не только подвергает испытанию и проверке теоретические положения американских философов-трансценденталистов, на символическом уровне он как бы вновь возрождает коллективный опыт самой Америки, жизнь американского «фронттира», движущегося к неизведанным границам ойкумены. И это еще не все. Торо не остался только лишь созерцателем, отшельником-одиночкой, «сбежавшим» от трудностей социального мира. Напротив, он активно участвовал в жизни американского общества, выступая с позиций аболиционизма, гражданского неповиновения и мирного сопротивления. На эти его идеи непосредственно ссылались такие видные общественные и политические деятели, как Л. Толстой, М.Л. Кинг, М. Ганди и, шире, сторонники либертарианства или даже анархизма. Таким образом, можно отметить, что большой интерес к наследию Торо во многом связан с идеальным образом американского интеллектуала, парадоксального мыслителя, занимающегося как общественной борьбой, так и уединенными медитациями, соединившего в себе импульс стремления к независимости личности с причастностью к общественно-политическим проблемам своего времени.

Казалось бы, книга Скиннера говорит о других вещах: на смену тонкому душевному самоанализу пришла социальная инженерия, которая требует от исследователя несколько иных интеллектуальных навыков: креативности, изобретательности, умения анализировать проблемные ситуации, способности к организации взаимодействия. Если мысль Торо движется внутрь, вглубь, обнаруживая единство внутреннего и внешнего, индивидуального и природного, то бихевиорист Скиннер рассматривает внутренний мир человека, состояния сознания и чувства в рамках экспериментальной науки как просто физические явления. Если размышления Торо неизбежно приводят в область этического, постулируя свободу воли, ответственность индивида за собственный жизненный проект, то внимание Скиннера обращено на обстоятельства окружающей среды, источники стимулов, детерминирующие наше поведение. Никакой свободы воли, то есть необусловленной спонтанности, случайности в субъекте нет. И все же Торо важен для Скиннера, само название «Уолден Два», конечно же, является отсылкой, и, возможно, это название можно интерпретировать как «Уолден для двоих», то есть попытку рассмотреть путь личностной реализации не через уединение и отшельничество, а, напротив, в компании, в социуме, в сообществе единомышленников.

Как Скиннер описывает идеальное (в его понимании научно-организованное) общество? Коммуна проживает не в мегаполисе, а в рамках небольшого поселения (около одной тысячи человек) вблизи от природы (эта идея предвосхитила тенденцию к переезду жителей городов в пригороды, так называемые субурбии). Экономика общины практически самодостаточна, люди выполняют разнообразную работу (чередуют умственный и физический труд) не более четырех часов в день (идея гибкого рабочего графика). Рационально организован досуг уолденцев, он исключает (не на уровне запрета, а просто как нечто избыточное) алкоголь, сигареты, азартные игры; жители много читают, занимаются спортом, полезными хобби. В отличие от Уолдена Торо, в этом обществе отсутствует культ аскезы, но формируется рациональная культура потребления, учитывающая факторы психологии, экологии, здоровья потребителей.

Социальная структура общества состоит из четырех групп, разделенных по роду занятий: планировщики, менеджеры, рабочие и ученые. Совет

планировщиков из шести человек (трое мужчин и женщин) является правительством общины, он разрабатывает политику, формирует планы развития, контролирует работу менеджеров — ответственных руководителей в какой-либо области (строительство, общественное питание, образование, и т. д.). Срок полномочий планировщиков ограничен десятью годами, ротация в их среде происходит из числа кандидатов, выдвигаемых менеджерами (то есть управленцами становятся не профессиональные политики, а люди, достигшие наиболее значительных успехов в своем деле). Никаких преимуществ статус планировщика или менеджера не дает, эти должности занимают не из корыстных соображений, а просто из желания заниматься более ответственной и сложной работой. Третья группа — рабочие — являются непосредственными производителями товаров и услуг в Уолдене Два. В обществе отсутствуют деньги, работа основана на системе «кредитов» — тяжелый, неприятный труд дает работнику большее количество кредитов, чем работа легкая и приятная, что высвобождает большее время для досуга рабочего. Существует возможность и даже приветствуются практика смены сферы деятельности и места работы. Так как в Уолдене Два ценится эффективность и полезность, а не праздность и показное потребление, то отсутствует представление о престижности/непрестижности работы. Всякий труд, приносящий пользу обществу, заслуживает почта. Таким образом, в Уолдене Два, отсутствует праздный класс, отсутствуют те, кто не нашел себе занятие в соответствии со своими интересами («преждевременно состарившиеся», как называет их Скиннер) [Skinner: 33]. Там нет преступности, профессиональной нетрудоспособности, алкоголизма или игромании, нет безработицы из-за плохого управления, гораздо ниже заболеваемость. И все это благодаря внедрению гибкого графика, чередования разных форм работы, распределения «неинтересной и не творческой» работы между всеми членами социума.

Последняя группа в Уолдене Два — это ученые, которые проводят эксперименты «в области селекции растений и животных, контроля поведения младенцев, различных образовательных процессов и использования некоторого сырья» [Там же: 49—50]. Хотя об ученых в романе сказано немного, нам понятно, что их задача — познание мира. В этом контексте представляется любопытным сравнить положение ученых и планировщиков в Уолдене Два с положением мудрецов-философов в идеальном государстве Платона. Представляется, что для Платона Знание и Власть были неотделимы; знание идеи обличало человека правом созидания, и воин-страж, реализуя конкретную политику, лишь воплощал знание философа-мудреца. В Уолдене Два планировщик управляет на основе знания, открытого ученым, причем это знание не является абстрактным, метафизическим, это конкретное, позитивистское, экспериментально верифицируемое знание, воплощающееся в сельском хозяйстве, экономике, организации работы коммунальных служб, но, что самое главное, в воздействии на психологию индивида. Изначально человек ни плох, ни хорош, таким, какой он есть его делает внешняя среда, которая награждает, наказывает или игнорирует поведенческие реакции животных и людей. Следовательно, именно внешняя среда нуждается в правильном управлении для достижения желательного поведения, поэтому: «Дайте мне инструкции по обращению с человеком, и я дам вам человека» [Там же: 37].

Подобно платоновскому идеальному государству, дети в Уолдене Два с рождения попадают в специальное учреждение, где воспитываются под присмотром педагогов: это дает возможность освободить силы и время биологических родителей на выполнение их профессиональных функций, это дает

возможность общаться с детьми тем, кто лишен возможности испытать родительское счастье, это избавляет ребенка от зачастую травмирующей, невротической любви родителей, это дает возможность детям брать примером в жизни тех, кто достоин этого, а не является лишь биологическим родителем. В конце концов, это упраздняет институт семьи как устаревший, родственные связи не имеют какой-то особой ценности, люди относятся друг к другу с дружелюбием и пониманием безотносительно их биологических связей. В обществе не принято обсуждать личные дела другого, вторгаться в пространство частного. Вместе с тем, в этом обществе утверждены весьма свободные взгляды на любовь и секс — все в духе отказа от собственнического отношения к другому человеку.

Обучение ребенка представляет собой не работу по единой программе, а свободный процесс усвоения интересного для ребенка, прежде всего практических навыков. С детства ребенок выполняет простую работу и к шестнадцати годам становится полностью самостоятельным. Можно предположить, что педагогика станет второй после психологии наукой в обществе, это будет наука, воспитывающая нового, неэгоистичного, созидательного человека. Интересным представляется вопрос о роли педагога, наставника: станет ли эта работа чем-то специальным, важным и ответственным (как, например, работа наставника в платоновском государстве, помогающего раскрыть знание, заложенное в душу каждого воспитуемого, «озаботившегося» о нем с целью формирования у него способности «заботы о себе»), или эта работа, как и другие, будет продолжаться в течение четырех часов в день, чередуясь с иными формами трудовой деятельности, демонстрируя ученику, как сам социальный аппарат, рациональность его бытия требуют от него социально-полезных качеств: трудолюбия, альтруистичности, коммуникабельности, усердия?

Итак, центром жизни этого общества является не экономика или религия, а психология: задача планировщиков состоит в разработке жизненной стратегии, не вызывающей катастроф, кризисов и иных поводов для негативных эмоций, задача менеджеров заключается в устройстве дела так, чтобы любой работник получал необходимые позитивные подкрепления за исполнение нужных для общества работ. Рациональное управление формирует рациональную ментальность и общественную психологию: коллективистские ценности здесь важнее индивидуальных, здесь отсутствует идея исключительности личности (в положительном «альтруистическом», а не отрицательном «эгоистическом» смысле), жители не стремятся выставить свое «Я» как высшую ценность, здесь отсутствует культ правителей, героев, здесь равно уважают каждого человека, независимо от его возраста, пола, выполняемой им работы. Это очень важно, в социуме воистину царит культ служения во благо общества: жители учатся выполнять свою работу с уважением, удовольствием, терпимостью и самоконтролем, не ожидая похвалы и не хваля другого. Люди не испытывают депрессий, переживаний по поводу собственной нереализации или неполноценности, нет тяжелого переживания одиночества, зависти или жадности. Люди постоянно контролируют свое поведение, они рассчитывают в жизни на самих себя, не перекладывают бремя ответственности на правительство, историю или традицию. Здесь нет злорадства, зависти или иных форм resentment, нет необходимости в конкурентной борьбе, так как нет зависимости от материальных благ. Если подобные установки и возникают, к этому человеку относятся как к нездоровому, и с ним работает психолог.

Наверное, можно сказать, что в этом обществе отсутствует политика. Противоречия между различными людьми, социальными группами разрешены

уже на уровне рациональной организации, благодаря планированию, прозрачности принятия решений, отсутствию фаворитизма, протекционизма и иных форм коррупционного поведения. Политика замещается администрированием. В обществе отсутствует пропаганда и какая-либо идеология, отсутствует какая-то четкая, единственно правильная картина мира. Ценностью общества становится идея прогресса, развития, оно призывает своих членов «рассматривать каждую привычку и обычай с целью возможного улучшения» и «постоянно экспериментировать со всем» [Там же: 25].

Конечно, Уолден Два — это в чем-то наивная просвещенческая утопия, основанная на упрощенном, несколько механистическом понимании человеческой природы, на вере во всеислие Разума, Знания, Истины. Несмотря на это, некоторые идеи этого проекта нашли, пусть и косвенным образом, свое воплощение в нашей жизни. Изменяется культура потребления, показная роскошь становится признаком дурного тона; представления об эстетике, эргономичности жилого пространства воплотились в практике дизайна, недорогой, но удобной мебели, утвари и бытовой техники; воплощается в жизнь идея гибкого рабочего графика, удаленной работы, потребности постоянного обучения, саморазвития. Уже применяется на практике идея базового безусловного дохода как нормального, естественного условия состояния человека. Все большее воплощение в жизни находят различные формы сетевых организаций, вертикальных структур, плюралистичных моделей и форм социальной организации.

**Кризис классической рациональности и новый взгляд на утопию:
«минимальное государство» Р. Нозика и «постмодернистский
буржуазный либерализм» Р. Рорти**

Со времени первой публикации «Уолдена Два» прошло уже более семи десяти лет, и мир за это время изменился гораздо больше, чем мир двух Уолденов, разделенных между собой столетием. Наверное, пришло время для Уолдена Три. Что происходит с осмыслением будущего в американской культуре? Традиция утопического теоретизирования во многом оказалась забыта. Господствующее в американской гуманитарной науке аналитическое направление реализует неопозитивистскую программу, в которой практически нет места социально-утопическому прожектерству. Но есть и свои исключения. В качестве примера можно привести работу американского политического философа Роберта Нозика «Анархия, государство и утопия» (1974), в которой автор обосновывает либертарианский идеал «минимального государства» — политического состояния, в котором власть возможна только на уровне защиты граждан от посягательств (классический «ночной сторож»), не вмешиваясь более ни в какую область жизни. Минимальное государство не порождает какой-то оформленной структуры, и, по сути, представляет собой, как называет его автор, «доминирующую защитную ассоциацию». Иные социальные, внешнеполитические, культурные функции реализуются «снизу», самим обществом, порождающим необходимые институции и связи. Свобода выбора, стихия рынка вызовут к жизни наиболее приспособленные для этого формы, и вмешательство извне только вредит этой самоорганизации, которая, вспоминая Лейбница, есть воистину «лучший из возможных миров». Взяв из идеи «категорического императива» ту мысль, что люди должны относиться друг к другу как к цели, а не как к средству, автор занимается не описанием конкретных форм идеального общества, а разработкой его условий, как он называет это — «рамки», которая задает границы его устройства. В границах этой

рамки минимальное государство обращается с индивидами как с неприкосновенными индивидами, как с носителями собственных идеалов и ценностей, среди которых нет «правильных» или «неправильных». Позиция Нозика «решительно отрицает детальное заблаговременное планирование одного сообщества, в котором должны жить все, но она сочувствует добровольным утопическим экспериментам и предоставляет для них основу, которая позволит им расцвести» [Нозик: 405]. То есть он не дает конкретных ответов, каким будет идеальное общество, «место утопического конечного состояния статических теорий утопии занимает утопический процесс» [Там же: 404], а идея «рамки» и нужна для того, чтобы задать пространство, в котором реализуются индивидуальные утопические эксперименты.

Еще один проект утопии, названный «постмодернистским буржуазным либерализмом», представил американский философ Ричард Рорти. В основании его проекта лежит различение публичной и частной сферы личности — внимание к ценностям сообщества, с одной стороны, и апелляция к собственным интересам, желаниям, переживаниям (что он именуется термином «идиосинкразия») — с другой. Попытки создания универсальной программы нравственности, увязывающие частную и публичную стороны в единый контекст, неизбежно приводили к право или-лево тоталитарной идеологии. Эти сферы необходимо разделять, и так как проблема границы между личной уникальностью и общественной целесообразностью не имеет теоретического разрешения, её необходимо разрешать через опыт практического экспериментирования.

Размышляя о фундаменте либеральной формы солидарности, Рорти отказывается от его универсалистского (всеобщность прав и свобод человека) характера, по причине отсутствия нейтрального критерия, который был бы способен дать нам возможность соотнести образ либерального (а впрочем, и всякого иного) сообщества с идеальным. У нас остается только возможность сравнения известных нам форм кооперации, а также утопическое теоретизирование. Ценность либеральной утопии состоит не в ее способности проникнуть в некие скрытые до сих пор области бытия, но в развитии нашего воображения, «через мысленную способность видеть в чуждых нам людях товарищей по несчастью. Солидарность не раскрывается рефлексией, но создается. Она создается повышением нашей чувствительности к определенным подробностям боли и унижения других, незнакомых нам людей» [Рорти 1996: 20].

Утопический проект американского философа показывает, что в постметафизической культуре должен произойти поворот от теории к нарративу, сообщество будет организовано не столько на рационально-обоснованной программе (о чем писал Скиннер), сколько на эстетическом чувстве, сродни поэтическому признанию «случайности языка», «случайности истины», «случайности самости». Эта культура должна обращаться к бесконечному многообразию нарративов, жизненных стратегий, практик, увязывающих историю и современность с утопическим будущим, а главное, что «она видела бы в воплощении утопий бесконечный процесс — бесконечно расширяющуюся реализацию Свободы, а не конвергентное движение к уже существующей Истине» [Там же: 21].

Автор, конечно, понимает историчность и этноцентричность «постмодернистского буржуазного либерализма», порожденного западным обществом, однако оправдывает данный этноцентризм его особенностью, связанной с его противоречивостью, недоверием к самому себе. Если этнополитическая «солидарность», с одной стороны, является постмодернистской, то с другой она является буржуазной, а значит из нее следуют и философские, и политические

выводы: если с философской точки зрения этноцентризм антигуманен, так как допускает дискриминацию «маргинализированных» субъектов, то с политической точки зрения антигуманизм неприемлем, так как противоречит демократическим принципам либерализма: «Именно в традиции нашего общества защищать слабых и униженных, изгнанных и обездоленных, всех нуждающихся в сочувствии и в восстановлении попорченного достоинства. На этот иудео-христианский элемент в нашей традиции с благодарностью и надеждой уповают подобные мне атеисты, которые хотели бы сохранить различия, существующие между кантианством и гегельянством, чисто философскими. Представление о реальности таких вещей, как естественные права человека и врожденная нравственность, так же мало относится к очерченной здесь практической проблеме, как решение вопроса о существовании Бога, — полагаю даже, никак не относится» [Rorty 1991: 202].

«Открытость», незавершенность утопического проекта Рорти сближает его с проектами Торо, Скиннера и Нозика. Если в классической утопии (Мор, Кампанелла, Платон и др.) жизнь личности и социума была предельно регламентирована, то постмодернистский буржуазный либеральный проект американского мыслителя декларирует лишь его общий принцип, а именно, случайный характер его практик, институтов, а также той языковой игры, в которую втянуты агенты этого социума. Такой утопический проект выглядит скорее наброском, фрагментом с размытыми контурами, нежели четкой программой действия. Вполне в духе постструктуралистской «смерти автора» мыслитель приглашает читателя и общественность к сотворчеству, предлагает обсудить разнообразные жизненные стратегии, выражающие общественную надежду и частные ожидания. Результатом этого сотворчества и должно стать понимание возможности сосуществования разных утопических миров, которые ставят под вопрос status quo и заставляют усомниться в выборе верной стратегии.

Заключение. Говоря о том, каким образом может быть воплощена интуиция американского философа в реальности, мы можем отметить мультикультуральные процессы в современном западном мире: растущий индивидуализм, который поощряет разнообразие и уникальность различных форм жизни и практик, связанных с той или иной областью приватной сферы — эстетической, сексуальной, игровой. Вместе с тем мы видим падение интереса значительной части людей к публичной сфере: политика как общее дело умерла, и даже западная демократия воспринимается ее апологетами как шоу, разыгрываемое элитными группами. Особую силу приобретает ощущение, модус бытия или состояние, названное британским социологом Зигмундом Бауманом «ретротопией», которое можно понимать как тоску по прошлому, постоянное возвращение назад, переживание уже пережитого, неверие в будущее, забвение надежды на перемены к лучшему. Примером ретропии на социальном уровне может стать, например, трампистский лозунг “Make America great again”, который говорит американцам о необходимости вернуться к величию, оставленному где-то в прошлом. О схожих с ретропией вещах писал и британский мыслитель Марк Фишер, переосмысляя общую ситуацию с позиции «хонтологии» или «призракологии» — бытовании уже несуществующего как существующего, состоянии некогда бытовавшей, но так и не сбывшейся надежды на прогрессивное движение в будущее. Провозглашенный Фукуямой «конец истории» привел к отказу от будущего в пользу бесконечного повторения одних и тех же сюжетов и их смешивания, стилизации и обреченности на пребывание в застывшем времени. Все это породило разочарование для глобализированного общества позднего

капитализма, вместе с которым пришла депрессия как основной симптом времени, тоска по другим, уже недоступным сценариям развития культуры, которые теперь отголосками, словно дежавю, врываются в настоящее, порождая щемящую ностальгию.

Еще одно свидетельство кризиса утопии — все растущее конспирологическое мышление, объясняющее социально-политическую и культурную действительность с позиций заговора, искажения реальности, подтасовки фактов, манипуляций, сознательного игнорирования чуждой информации (селективное влияние), воздействия пропаганды, фейковых новостей. Доля людей, которые верят хотя бы в какие-то конспирологические теории, по-видимому, высока и, по некоторым оценкам, составляет около половины населения США [Oliver, Wood: 812] и Италии [Mancosu et al.: 329]. Общественное сознание порождает разного рода легенды, слухи, моральные паники и массовые психозы. Типологическими становятся сюжеты о «своих» и «чужих» — мигрантах, террористах, тайных правителях, и т. д. Возникают представления об альтернативной науке, искаженной истории, заговорах в фармакологии, медицине. Более того, формируется новый модус общественного сознания, названный исследователями “conspiritality” (название является неологизмом, образованным из двух слов — conspiracy (заговор) и spirituality (духовность)). К типичному для всякой конспирологии представлению о тайном правительстве и заговоре добавились элементы нью-эйдж о «новой эре», сдвиге парадигм, «пробуждении» сознания, «расширении границ своего Я». На смену социально-политической утопии приходят оккультные, эзотерические программы «пробуждения», «просветления». Многочисленные гуру, популярные блогеры-мотиваторы и тренеры личностного роста обещают человеку путь к счастью и гармонии. Возможен ли при всем этом Уолден Три? Оснований надеяться на него пока что нет.

Список литературы / References

- Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М.: Наука, 1982. 336 с. (Batalov E.Ya. Social utopia and social hope in USA, Moscow, 1982, 336 p. — In Russ.)
- Бауман З. Ретроутопия. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с. (Bauman Z. Retrotopia, Moscow, 2019, 160 p. — In Russ.)
- Венедиктова Т.В. Разговор по-американски: дискурс торга в литературной традиции США. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 328 с. (Venediktova T.V. American conversation: bargaining discourse in the US literary tradition, Moscow, 2003, 328 p. — In Russ.)
- Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с. (Nozick R. Anarchy, state and utopia, Moscow, 2008, 424 p. — In Russ.)
- Рорти Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке 20 века. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 128 с. (Rorty R. Achieving our country: The politics of the left in 20th century America, Moscow, 1998, 128 p. — In Russ.)
- Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с. (Rorty R. Contingency, irony, solidarity, Moscow, 1996, 282 p. — In Russ.)
- Торо Г.Д. Высшие законы. М.: Республика, 2001. 412 с. (Thoreau H.D. Higher laws, Moscow, 2001, 412 p. — In Russ.)

- Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 240 с. (Thoreau H.D. Walden, or life in the woods, Moscow, 1962, 240 p. — In Russ.)
- Фишер М. Капиталистический реализм. Альтернативы нет? М.: Ультракультура 2.0., 2010. 144 с. (Fisher M. Capitalist realism. Is there no alternative?, Moscow, 2010, 144 p. — In Russ.)
- Mancosu M., Vassallo S., Vezzoni C. Believing in conspiracy theories: evidence from an exploratory analysis of Italian survey data. *South European society and politics, Taylor & Francis Journals*, 2017, vol. 22 (3), pp. 327—344.
- Oliver J.E., Wood T.J. Medical conspiracy theories and health behaviors in the United States, *JAMA Internal Medicine*, 2014, 174 (5), pp. 810—822.
- Rorty R. *Objectivity, Relativism, and Truth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991, 226 p.
- Skinner B.F. *Walden Two*, New York: The Macmillan Co., 1948, 266 p.

THE FORMATION AND DECLINE OF AMERICAN SOCIAL AND PHILOSOPHICAL UTOPIA IN 19th—20th CENTURIES: ON THE QUESTION OF THE “END OF HISTORY”

Mikhail V. Kulikov

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Novokuznetsk, Russian Federation, philosophy_mk@mail.ru

Abstract. American socio-philosophical utopia is an interesting phenomenon, since it was in it that the ontological, epistemological, anthropological, axiological, philosophical and historical meanings of American culture, as the embodied “City on a Hill”, “Society of Equal Opportunities”, “Lighthouse of hope” found their manifestation. As an immanent dimension of social, including philosophical consciousness, and as a natural companion to the socio-political practice of the American nation, utopia has never been produced anywhere on such a scale and has not taken such diverse forms as in the United States. Interest in studying the phenomenon of utopia is also due to the fact that they are the key to deciphering political consciousness, since much of what does not find adequate expression in scientifically verified discourse, but is of value for a given group, often finds its expression in utopias or dystopias. The purpose of the work is to trace the genesis of this phenomenon, indicate the general, constitutive meanings of the American utopia and understand the reasons for its crisis. Henry Thoreau, Burrhus Fredrick Skinner, Robert Nozick and Richard Rorty were taken as representatives of the American socio-philosophical utopia, in whose works the distinctive feature of the American utopia was most fully manifested — its “anti-fundamentalism”, open character, pluralism, openness of the project to new content. The novelty of the approach lies in the attempt to consider in one context such different forms of social and philosophical projects as Walden of the American transcendentalist-libertarian Thoreau, Walden of the Two Behaviorists Skinner, the project of a “minimal state” from the position of analytical philosophy of Nozick and “postmodern bourgeois liberalism” of Rorty. Conclusions have been drawn about the causes of the crisis of utopian theorizing in American culture, which, in our opinion, is associated with the feeling of the “end of history” that has become established in the public consciousness of the era of late capitalism, which leads to the abandonment of the future in favor of the endless repetition of the same plots and the doom of staying in frozen time; retrotopia, as a search for an optimal life project in the past, not the future; huntology, as a state of once existing, but never realized hope for progressive movement into the future; conspiracy theories as a way of explaining the world through conspiracy and deception. All this gives rise to various forms of resentment, depression, and a nagging feeling of nostalgia, which prevent the generation of utopian meanings.

Keywords: America, utopia, Walden, “postmodern bourgeois liberalism”, retrotopia, hauntology, conspiracy theory

For citation: Kulikov M.V. The formation and decline of American social and philosophical utopia in 19th—20th centuries: on the question of the “end of history”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 151—161.

Статья поступила в редакцию 22.02.2024; одобрена после рецензирования 06.06.2024; принята к публикации 26.09.2024.

The article was submitted 22.02.2024; approved after reviewing 06.06.2024; accepted for publication 26.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Куликов Михаил Вячеславович — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических дисциплин и информационных технологий управления, Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Россия, philosophy_mk@mail.ru

Kulikov Mikhail Vyacheslavovich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate professor of the department of humanities, socio-economic Disciplines and management information technologies, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, philosophy_mk@mail.ru